

этой „махинации“, произвела самое отталкивающее впечатление.

Казалось, что устами казака хотели поймать великого сазана — организации казаков и украинцев.

— Братья казаки... Я сам, братцы, уральский казак... Ну и дальше в том же духе.

Опершись на Науменко, как на стену, казаки проводили этих агитаторов вполне равнодушно, ничем не отозвавшись на их призыв и мало веря в то, что государя все державы нелегально признают и могут дать большущие деньги.

Только что их миновала сия чаша, как в Смедереве пожаловал сам Кубанский В. Атаман. И что же он сказал? — тост о России, которой надо послужить не щадя живота... И т. д. и т. д.

После всего, за чашей вина полилась казачья песня, а с ней пахнуло и волей и свободой казачьей и с болью навирали певшие на слова — літ вже в двісті... или: під московським караулом у тюрмі...

Сидели представители казачества, пошивали вино, слушали старые казачьи песни, приятно улыбались. Понять ли им всю боль и жалобу казачьей песни, тоску за волей Казачьей, жажду к своей свободной жизни... Нет, они видимо мечтали о другом, а казак, который так недавно именем своего Атамана защищался от приехавших закабалить его русских партийцев с болью наверно почувствовал, что не на кого ему опереться в своем казачьем горюшке, не у кого ему искать защиты, а не только Земли Казачьи, которые уже отданы на поток и разграбление, но и его самого, его душу замудруют, закрутят, да и швырнут собакам под хвост.

Пора, пора нам жить своим умом... Пора нам искать своих людей, на которых мы можем положиться, которым мы можем вручить свою судьбу, и которые нас позовут на создание своей страны, своей казачьей жизни, которые нас позовут на жертву, заставят потребовать свои права на самостоятельную свободную жизнь, помогут подняться нам из той грязи и рабства, в которое мы сейчас ввергнуты.

Спасибо украинскому журналу за информацию о нашей жизни, она нам лишней раз сказала, что наши Атаманы топчут светлые знамена казачьей государственности в прах, что нам нечего от них ждать и что ни при каких обстоятельствах нам нельзя на них опереться.

Переходя же к посещению г. уральского казака, скажем ему:

Нас, казаков-государственников, своей кровью и жертвами навсегда увековечивших самостоятельность Казачьих Земель (идею), создавших и свои гимны, и свои флаги, и свои законы, вашими речами не удивишь, слышали мы и получше, и грамоты читывали,

а от обещаний до сих пор трещит в ушах. Обещали нам и белые, и красные, и черные, и малиновые, и всякие иные, а только, все испытав на своей шкуре, мы говорим: уберайтесь-ка вы все к чёрту, никого нам из вас не надо.

Наш девиз — Казачья Воля,
Казачья — наша цель.

(Соб. кор.)

Фактические поправки.

На наивные выходки г. Шарапова, на его игру в „атамана“ я до сего времени не обращал внимания. Ведь бывают взрослые „дети“, неспособные понять комичность своих выходок. Таким взрослым „дитяем“ является и г. Шарапов, „атаман“ „общекалмыцкой станицы в Париже“, а потому я думал: чем бы дитя не тешилось — лишь бы не плакало!

Вот уже более года я живу вместе с ним, знаю его страстное желание играть роль „большого человека“, его беззастенчивую спекуляцию именем фактически несуществующей „станицы“. Все это меня только забавляло, а потому я молчал. Но вот он перешел границы приличия и я хочу указать ему на это и сделать некоторые фактические поправки.

В последнем номере (10—11) журнала „Р.К.“ „атаман“ Шарапов, неспособный связно произнести три слова не только по русски, но и по калмыцки, человек элементарно безграмотный, неспособный написать и десяти слов без девяти ошибок, каким-то „чудом“ написал „статью“, в которой он, ничтоже сумняшеся, представляет себя человеком масштаба „общероссийских организаций, несмотря на усиленную агитацию самостийников“... (какая логика!).

Ложность этого его утверждения, что самостийники вели „усиленную агитацию“ против „станицы“ подтвердят все парижские калмыки. Мало того: в том „деле“, чем он теперь похвалеется, как большим своим достижением — на казачьем балу, в единственном калмыцком „номере“ (танцы) танцевала жена самостийника и всю подготовительную к балу работу (шитье дамских костюмов) безвозмездно проделала та же жена самостийника. Если теперь Шарапов, с помощью чужого пера, пишет, что самостийники агитировали (при том „усиленно“) против „станицы“, то объясняется это элементарной бесчестностью.

Как высшее „достижение“ „станицы“, Шарапов представляет участие „станицы“ в Донском балу, давшем „6000 фр. в пользу больным и нуждающимся казакам и казачкам“. Правда заключается в следующем: не „станица“ пунила участие, а сам Шарапов с 2—3 своими личными приятелями. А когда „Бальный Коми-

Кубанская труппа джигитов Андрея

П. Крикливого и Дмитрия А. Крив-

чука, совершающая кругосветное тур-

не, шлет братский привет всем ка-

закам.

тет" от вырванного дохода выдал долю „калмыцкой станице“, то „атаман“ с двумя своими приятелями эту „станичную“ долю поделили между собой, как люди, вносившие на предварительные расходы по устройству бала деньги и „рисковавшие“ ими. Поделили не просто, а на „законном основании“, ибо, как говорили, „всякий затраченный капитал должен приносить свои проценты“! Этим позорным с общественной точки зрения поступком не только похвалиться, но стыдиться надо! Тут совсем непричем „нуждающиеся казачки и казаки“!

„Станица теперь имеет свою икону“ — пишет Шарапов. Неправда! Ибо академик Рерих икону прислал не „станице“, о существовании которой он и понятия не имеет, а прислал он ее по личному знакомству бакше Нимбушовой, по частной и личной просьбе последнего, для всех калмыков в эмиграции.

„В тот же день там же собрались и подписали благодарственное постановление Н. К. Рериху“ — пишет Шарапов. Благодарность выразить Рериху за его ценный для религиозных калмыков дар — обязанность каждого калмыка и они искренно благодарят. Но совершенная неправда, что „собравшиеся там же подписали благодарственное постановление“. Дело было так: выразить свою благодарность в письменной форме было необходимо, а „атаман“ неспособен был изобразить на бумаге хоть какуюнибудь удобоваримую мысль. Но „ловкий“ Шарапов нашел выход из положения и упрямил присутствовавших подписаться на белом листе бумаги, а он потом когонибудь упрямит написать текст. А по части упрямиваний „подписей“ у неграмотных доверчивых старых калмыков Шарапов „набил“ себе руки. Так он поступил и тогда, когда совершал свой глупейший поступок — „протест“ против книги д-ра Хара-Давана, уговорив абсолютно неграмотных стариков „подписаться“ под „протестом“. Так, по „гениальнейшей“ мысли „общероссийского масштаба“ Шарапова неграмотные старики „протестовали“ против научной книги.

„Атаман“ Шарапов в конце своей статьи приводит „копию постановления“. Совершенная ложь! Ибо такого постановления „станицы“ и в природе не существует по той простой причине, что не было ни одного собрания „станицы“ „под почетным председательством бакши Нимбушова“, — как пишет он. Мало того: ни на одном собрании „станицы“ бакша не присутствовал!

Шарапов похвалится 3150 франками, собранными, якобы, „станицей“ на разные благотворительные цели, но правда заключается в том, что к этим сборам „станица“ очень мало отношений имеет, ибо львиная доля этой суммы собрана по инициативе отдельных лиц, в том числе и самостийников, а „энергичный“ Шарапов потом прибегал и ставил печать „станицы“ на подписанных листах, как он ее ставил и на всех экземплярах журнала „В. К.“, аккуратно обходя квартиры калмыков. На всех экземплярах журнала „В. К.“, имеющих на руках у калмыков в Париже, имеется злополучная печать этой пресловутой „калмыцкой станицы“.

Я выше сказал, что „атаман“ спекулирует именем фактически не существующей станицы. Доказательства. В последнее время Шарапов подряд назначал два собрания „станицы“, с громким извещением в русских газетах. Ни на одном собрании никого не было. Но „атамана“ это обстоятельство ничуть не смущает, ибо он свое „дело“ сделал: объявил в газетах, что на сборе будет доклад (?) об организации дешевой столовой для безработных членов „станицы“ и об освящении иконы „станицы“.

Ибо он знает, что „дешевая столовая“ (домашние обеды) уже открыта частным лицом, к „станице“ никакого отношения не имеющим, нашедшим возле фабрики удобное дешевое помещение, и что освящение иконы бакша устроит сам совершенно независимо от „станицы“.

Именно потому для Шарапова неважно — состоится или не состоится собрание, а важно именем „станицы“, с помощью своего „хозяйина“ из вилы Шавело, сделать в газетах широкопечатальное объявление, пригласить чужую инициативу и, как москвля, бегущая под повозкой, воображает, что и она тянет, говорить потом: смотрите, какой я атаман!

Этих „фактических поправок“, думаю, будет вполне достаточно для уразумения того, что и из себя представляет „атаман“ Шарапов. Это же обстоятельство дает ключ к пониманию того — как „делает“ историю „Р. К.“ и его редактор, помогающий своим „сотрудникам“ писать подобную чепуху, нагромождая одну ложь на другую!

Это и естественно, ибо к неправде, которой служит редактор „Р. К.“, путями праведными не приблизишься.

Шамба Балинов.

В Южине.

В Южине образовалась вольноказачья станица Имени Пугачева. Атаманом станицы избран полк. В. Балабин (член Д. В. Круга), помощником атамана каз. Аршинов, казначеем хор. Болдырев и писарем Михайлинов.

В поисках земли.

Глубокоуважаемый Г-н Редактор!

Имея большое количество писем из Европы, — запросы о возможности поселения на землю в Парагвае (на мое письмо, помещенное в журнале „В. К.“ за № 81) я не имею возможности всем ответить, а поспеваю просить Вас, г. Редактор, не отказать поместить в Вашем уваж. журнале нижеследующее дополнение на запросы Скопленского станичного атамана Я. Ковгана (Сербия); атамана станицы в Лионе Хоруженко (Франция); кубанца Звягина от группы 10 казаков (из Константинополя), кубанца Подрезова (из Бельгии); донца Петра Дубовика (из Польши); донца Пятибратова (из Польши от 70 казаков); Николы Мищина (из Польши от группы и многих других. (Многие из них не интересуются даже об условиях поселения и климате, а просто пишут: каким путем можно проехать в Парагвай, ибо жизнь, особенно в Польше, не под силу казаку).

1. Почему эта земля удержалась как плодородная и не роздана желающим, а к тому же не подалеку от города и большой рыбной реки Парана (судоходной)? — Земля эта была помещицей (40.000 гект.), он умер, а сыновья остались и не утвердились в правах, задолжали правительству за налоги, а теперь правительство через делегата поручило нам селить людей, а когда будет не меньше 100 семейств, то правительство декретом отчуждает за каждым поселенцем в полную собственность (а пока здесь Украинцы — 40 семейств — живут 6 лет, ни копейки никому не платили). Сейчас прибыло за 3 месяца 15 семейств и еще ожидается в этом месяце 18 семейств).

2. Гектар земли очистить от леса, срубить, спалить стоит 60-70 арг. пезо.

3. Прожить в месяц надо на одного 5-7 арг. пезо.

4. 3 арг. пезо — стоят 1 доллар. 18¹/₂ парагв. пезо стоят 1 аргент. пезо.

5. Язык испанский. 6. Каждому поселенцу трудно до 1-го урожая. 7. Подданство не обязательно. 8. Повинностей никаких. 9. Парагвай мало населенный. 10. Сбыт продуктов в г. Екарнасион 18 кил. и Пасадос через реку в Аргентину. 11. Хорошая местность для пчеловодства, много по лесу диких пчел и есть настоящие в дуплах. У каждого почти поселенца есть ичелы. 12. Климат хорош, ночи холодные нужно теплое одеяние. Говорят декабрь, январь и февраль — жаркие, но ночи свежие. Надо брать теплое белье. 13. Много диких кабанов, коз, индюков. Надо запастись оружием. 14. Поливка и орошение здесь не нужны, ибо идут дожди, да еще есть много ручьев с хорошей питьевой водой. 15. Дома строятся из леса, кроются гонтой, стенки из досок. 16. По лесу имеются в диком виде тысячи деревьев апельсин. 17. Время посева: в мае сеются: лук, чеснок, капуста, табак, салат. В августе посадка деревьев: апельсины, лимоны, яблоки, бананы, кофе, какао, персики, виноград. В сентябре 1-я посадка майса, риса, маниоки, фасоль, арбузы, дыни, тыквы, мочалки (мыть тело, посуду), огурцы, перец, помидоры, фисташки, клубника, яблоны. 2-я посадка — октябрь и 3-я — декабрь и январь. Кукуруза и